«Действие наудачу в надежде на счастливый исход» — именно так звучит одно из определений риска в толком словаре С. Ожегова. Вряд ли ошибусь, если скажу, что действия многих западных, а в особенности российских, банков, окрыленных успехами предшествующего кризису бурного роста отрасли, в последние пару лет оказались, мягко говоря, неудачными. В результате, те компании-заемщики, которые раньше были хорошими, резко стали плохими, причем по вполне объективным причинам. Можно ли сделать счастливый исход более прогнозируемым? В интервью Cbonds Review Чарльз Стюарт, старший директор компании Moody's Analytics, рассказывает о том, как российские банки учатся заново оценивать риски.

«РИСК ДЕФОЛТА существует в любой отрасли»

Чарльз СТЮАРТ,
старший директор,
Moody's Analytics

– Как вы оцениваете текущее качество риск-менеджмента в российских банках? В чем недостаток применяемых российскими банками моделей оценки риска?

– С момента наступления кризиса мы наблюдаем процессы консолидации в российской банковской отрасли. Кроме того, меняется и подход к операционной деятельности в банках. Если вы сегодня посмотрите на ведущие банки в России, то увидите, что они активно работают над улучшением инфраструктуры для оценки и управления рисками.

Тем не менее, работы еще много. Некоторые финансово-кредитные институты в России до сих пор применяют не самые совершенные модели риск-менеджмента, которые существуют вне глобальной системы управления рисками, принятой во всем мире. Связано это частично с отсутствием у российских компаний длинной кредитной истории, а также с недостаточной прозрачностью данных.

– То есть российские финансовые институты достаточно сильно отстают в этом плане от культуры и практики, которая существует на Западе?

– Что касается глобальных банков, то и Базел–II, и кейсы из «лучшей практики» побуждают их инвестировать в эффективный риск-менеджмент и инфраструктурные изменения. Международные банки внедряют все эти улучшения уже на протяжении многих лет, в отличие от российских кредитно-финансовых организаций, которые только сейчас начинают работать над этим. Некоторые российские банки уже оценили, что подобные инвестиции могут давать им преимущества, и стали вкладывать ресурсы в подобные проекты, не дожидаясь требований со стороны регуляторов.

– В чем принципиальное отличие и новизна модели риск-менджмента RiskCalc Russia?

– Во-первых, на сегодняшний день это единственная в своем роде модель

на рынке. RiskCalc — это глобальная сеть из 28 региональных и отраслевых моделей. Каждая страновая модель имеет свои особенности, так как она разрабатывается специально под конкретный рынок (в частности, использует местные данные и определение дефолта) и учитывает

> НЕКОТОРЫЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РОССИИ ДО СИХ ПОР ПРИМЕНЯЮТ НЕ САМЫЕ СОВЕРШЕННЫЕ МОДЕЛИ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА, КОТОРЫЕ СУЩЕСТВУЮТ ВНЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ, ПРИНЯТОЙ ВО ВСЕМ МИРЕ

локальные стандарты бухгалтерской отчетности.

Главное, что отличает нашу разработку от подобных, в том числе созданных банками, это база данных, на основе которой работает модель. RiskCalc Russia разработана и проверена на материале более 800 000 финансовых отчетов свыше 290 000 российских компаний. Банкам просто нецелесообразно собирать такое количество информации самостоятельно. Тестирование, в котором принял участие ряд российских финансовых институтов, подтвердило, что модель хорошо функционирует в отношении как небольших, так и крупных компаний. Кроме того, наша база данных охватывает компании разного типа, отраслевой принадлежности и географии. Информация по дефолтам была собрана из различных источников и включает в себя сведения о пропущенных платежах, банкротстве и ликвидации.

– Вы уже сказали о том, что одна из особенностей российского рынка — достаточно большое количество непрозрачных компаний. У вас наверняка возникали трудности, связанные с недостаточностью данных. Как решался этот вопрос?

– Помимо открытой информации, которой наши специалисты, разумеется, пользовались, мы получали данные от компаний, специально собирающих и анализирующих подобную информацию. Кроме того, достаточно большой массив данных нам предоставляли банки, тестировавшие нашу модель.

– Что за банки участвовали в тестировании и каковы первые результаты этих тестов?

– Я не могу назвать конкретные имена по причинам конфиденциальности. Скажу лишь, что некоторые из этих банков входят в десятку крупнейших игроков на российском рынке. В настоящее время тестирование продолжается, окончательных результатов у нас пока нет. Но промежуточные итоги показывают, что банки действительно заинтересованы в этой модели и удовлетворены результатами ее работы. Кроме того, исходя из нашего общения с остальными российскими фининститутами, которые не являются тестерами нашей программы, очевидно, что они крайне заинтересованы в RiskCalc Russia и хотят посмотреть на нее, чтобы понять, как эта модель работает и чем может быть им полезна.

RiskCakc — это вспомогательный инструмент для фундаментального анализа, который помогает улучшить качество и последовательность анализа. Каким образом? Для того чтобы модель эффективно работала, необходимо ввести в систему ряд исходных данных. И это побуждает банки запрашивать необходимую информацию у клиентов. Информацию, которая раньше, возможно, могла быть проигнорирована или упущена сотрудниками кредитного отдела. Многие банки устанавливают нашу модель даже при наличии своих собственных, чтобы сравнить результаты и получить более точную информацию. Также их интерес связан с возрастающими требованиями регуляторов к более детальной качественной и количественной финансовой оценке компаний-заемщиков.

– Чем подход, согласно которому в модели RiskCalc оценивается вероятность дефолта, выигрышнее, скажем, традиционного рейтинга риска дефолта, который присваивается публичной компании?

– RiskCalc рассчитывает прогнозную вероятность дефолта непубличных компаний (называемую ожидаемой частотой дефолта, или EDF™), определяя на основе финансовой отчетности и информации с рынка показатель единичного кредитного риска, обладающий высокой предсказательной силой.

Как правило, оценка делается на определенный период времени, например на год или на пять. Показатели вероятности дефолта могут быть использованы для фундаментального анализа оценки риска заемщика.

Рейтинговые агентства оценивают вероятность потерь на протяжении всего периода займа, используя более обширный фундаментальный анализ. Так что, по большому счету, эти инструменты должны дополнять друг друга.

– Но ведь рейтинг — это тоже показатель оценки риска, связанного с тем или иным кредитным именем. Разве нет?

– Совершенно верно. Однако возможности применения рейтингов в России весьма ограничены. Количество компаний, имеющих рейтинги, ничтожно мало по сравнению с числом «нерейтингованных» частных организаций. И это общемировая практика. Тем не менее, банкам нужно как-то работать, им необходимо обеспечить внутреннюю оценку вероятности риска дефолта по своей клиентской базе. Именно с этим связан интерес банков к подобным инструментам.

> ОСНОВНОЙ ПРОБЛЕМОЙ БЫЛО ПОЛУЧЕНИЕ НЕОБХОДИМЫХ ДАННЫХ. ДРУГАЯ СЛОЖНОСТЬ — ЭТО ПРИВЕДЕНИЕ НАШЕЙ МОДЕЛИ К РОССИЙСКИМ СТАНДАРТАМ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ И ЕЕ КАЛИБРОВКА ПО МЕСТНОМУ УРОВНЮ ДЕФОЛТА

– С какими трудностями вы сталкивались при расчете EDF для частных компаний в России?

– Как я уже упоминал, основной проблемой было получение необходимых данных. Другая сложность — это приведение нашей модели к российским стандартам финансовой отчетности и ее калибровка по местному уровню дефолта.

Тем не менее, опыт Moody's Analytics в разработке и внедрении модели насчитывает более 20 лет, глобальная сеть RiskCalc охватывает порядка 80% мирового ВВП, поэтому мы уже сталкивались с подобными сложностями.

– Какой показатель деятельности частной компании, на ваш взгляд, является ключевым при определении вероятности дефолта?

– На самом деле, нет какого-то одного ключевого показателя. Это комплексный анализ. В нашей модели используются финансовые коэффициенты, способные предсказать дефолт компании. Это кредиторская задолженность, объем продаж, доходность активов, чистый капитал, операционная прибыль и ряд других. Так как мы уже многие годы работаем с подобными сложными зависимостями между большим числом параметров, то в своей модели смогли это достаточно эффективно учесть.

– Много ли сегодня в России частных компаний, где риск дефолта достаточно велик?

– Риск дефолта компаний вероятен в любой отрасли, особенно на данном этапе. В текущих условиях средний риск дефолта неизбежно повышается. Главная задача сейчас — определить, какие заемщики более рискованны для банка, а какие — менее.

– Не получится ли так, что, начав пользоваться этой моделью, банки поймут, что их портфели никуда не годны?

– Да, я не скрою, что некоторые банки действительно будут удивлены результатами. Но важно то, как они интерпретируют полученные данные, как будут использовать их в своей дальнейшей работе. Ведь главный вопрос для банков заключается в том, какой объем риска они готовы на себя взять. В конечном счете, все сводится к выбору оптимального соотношения между риском и доходностью.

К примеру, начав пользоваться RiskCalc, банк может обнаружить, что в его портфеле риск не так велик, как предполагалось, и можно взять еще. Или наоборот, риск больше, чем ожидалось, и это означает, что нужно получать больше доходности с этого риска. В этом и заключается смысл модели — сделать так, чтобы банки были более информированы о том, что происходит у них в системе, и принимали решения на основе более полной информации о своих портфелях и состоянии рынка.

МНЕНИЕ

Денис БЕЛИКОВ,
начальник отдела корпоративных рисков финансового департамента, ЗАО «Банк Русский Стандарт»

Сразу хочется отметить высокую ценность работы, проделанной Moody's Analytics, для повышения уровня культуры риск-менеджмента в России.

Действительно, основной из проблем отечественных кредитных организаций является отсутствие статистики по дефолтам, на основании которой можно построить собственные зависимости PD (вероятности дефолта) и LGD (уровень потерь в случае дефолта). Особенно остро указанный вопрос встает при анализе непубличных компаний, связанном с отсутствием рыночной информации об их деятельности, которая могла бы быть преобразована в кредитный рейтинг (например, при помощи выделения спреда дефолта из текущей доходности долговой бумаги).

Предлагаемый Moody's Analytics продукт является одним из первых на отечественном рынке масштабных решений, основанным на данных российских компаний, что несомненно ценнее масштабирования моделей, откалиброванных по статистике дефолтов эмитентов облигаций из развитых стран.

Вместе с тем, необходимо отметить, что согласно описанию модели статистика неплатежей по РФ в базе данных Global Credit Research основана на дефолтах, произошедших до 2008 года в период бурного экономического роста, то есть не учитывает влияние глобального финансового кризиса на частоту дефолтов и неплатежей. Доля неплательщиков в общем числе заемщиков в течение проанализированного периода составила 5.84%.

В настоящий момент экономическая ситуация в России может быть охарактеризована как стабильная с переходом в посткризисное восстановление. Вместе с тем, в отдельных отраслях кризисные явления еще достаточно сильны.

Применение модели, откалиброванной по статистике периода позитивного развития, для текущей рыночной ситуации может дать заниженную оценку ожидаемого риска и излишне оптимистичное представление о реальном кредитном портфеле банка, использующего указанную модель.

Отсутствие свежей информации в модели может быть объективно объяснено трудоемкостью сбора и обработки данных по неплатежам.

На мой взгляд, использование дополнительной отдельной корректировки, основанной, например, на статистике неплатежей периода кризиса 1998 года (данный период входит в состав данных Global Credit Research) либо на оперативных данных 2008–2009 годов, более точно отражало бы реальные риски, принимаемые банками.

В связи с особенностями применяемых в подобных моделях статистических алгоритмов используемый в RiskCalc метод наиболее корректно будет работать на портфеле однородных ссуд, выданных юридическим лицам, в том числе при условии, что в портфеле сумма выданных кредитов не сильно различается в зависимости от заемщика. Указанный факт потенциально может ограничить круг эффективных пользователей предлагаемого инструмента перечнем крупных банков.

Для средних и небольших банков данный инструментарий будет иметь ценность с точки зрения использования в качестве предварительной оценки (аналог прескоринга). Кроме того, средние и небольшие банки в России, как правило, формируют свой кредитный портфель только из проверенных заемщиков, что (снижая культуру риск-менеджмента) может, в силу специфики отечественного банковского бизнеса, снизить потенциальный интерес к предлагаемому инструментарию.